

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797
EDN: RLJOOB

Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии

Ссылка для цитирования: Денисова Г. С., Полонская И. Н., Сусименко Е. В. Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 137–158. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797; EDN: RLJOOB

For citation: Denisova G. S., Polonskaya I. N., Susimenko E. V. Actor-network theory: innovative aspects of sociological methodology. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 137–158. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797; EDN: RLJOOB

**Денисова
Галина Сергеевна¹**

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

dgsrostov2013@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 76864

**Полонская
Ирина Нисоновна¹**

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

nisonelle@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 809257

**Сусименко
Елена Владимировна¹**

¹Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова,
Новочеркасск, Россия

e.susimenko@npi-tu.ru

AuthorID ПИНЦ: 445931

Аннотация. В последние годы в мировом социологическом сообществе активизировалась дискуссия о неудовлетворённости учёных современным состоянием социологии. В этой ситуации предлагаются разные способы повышения её научного уровня в целом.

Один из них был предложен Б. Латуром в рамках акторно-сетевой теории (АСТ), теоретические представления которой получили дальнейшее развитие в работах его единомышленников. Представители российской социологической науки активно включились в разностороннее исследование вклада, внесённого АСТ в развитие социологии. В данной статье рассматриваются базовые положения акторно-сетевой теории, касающиеся предметной специфики социологического знания, кардинального отличия определения понимания предмета социологии АСТ от определений, даваемых традиционными социологическими направлениями и парадигмами, а также следствия этого инновационного понимания для формирования методологических принципов изучения социальной реальности. Авторы останавливаются также на рассмотрении наиболее фундаментальной и дискуссионной методологической новации АСТ – «поворота к вещам» и внесения представления о гетерогенности агентов в понимание социальных процессов. Особое внимание в статье уделяется анализу значения инновационного для социологии термина «актант», заимствованного АСТ из семиотической теории нарратива и инкорпорированного в социологию и онтологию сети ассоциаций гетерогенных актантов. Касаясь разногласий между акторно-сетевой теорией и социологическим мейнстримом современности, авторы останавливаются на критике теоретиками АСТ социологической «метафизики социальных сил», понимаемой как способ теоретической легитимации социального неравенства. Цель статьи – прояснить единство и взаимосвязь ключевых инновационных позиций АСТ в социологической методологии и посредством этого обосновать значимость и эвристический потенциал новаций, предложенных акторно-сетевой теорией для повышения научного уровня социологии в исследовании социальной реальности. В результате авторы показывают методологический поворот АСТ, который позволяет преодолеть разрыв социологической теории и социальной и политической практики, что даёт возможность построения нового отношения социологии к реальности, возвращения её к решению не только научных, но и социально-практических задач.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория (АСТ), социальное, социология ассоциаций, сетевые взаимодействия, актор, актант, гетерогенность, акторы-не-люди, фигурация

Постановка проблемы

В последние годы началось и продолжается до сих пор знакомство российской читательской аудитории с идеями теоретиков социологии, объединившихся на почве концепции, получившей название Actor-Network Theory, ANT (в русском переводе «акторно-сетевая теория», сокращённо АСТ). Работы исследователей, принадлежащих к этому направлению, в особенности его лидеров Бруно Латура, Джона Ло, Мишеля Каллона, привлекли внимание небывало радикальным разрывом с социологическим мейнстримом современности, а также обоснованием этого разрыва отходом современной социологической науки от базовых задач и принципов, заложенных основателями и классиками социологии. К настоящему времени на русском языке вышло уже достаточно много работ представителей АСТ, активно идут освоение и анализ методологической парадигмы, предложенной акторно-сетевой теорией. Несмотря на

то, что сами основатели акторно-сетевой теории в процессе теоретической эволюции стали переосмысливать её и даже в некоторых аспектах от неё дистанцироваться, изучение переворота в социологии, ассоциированного с АСТ, продолжается и сохраняет научно-теоретическую актуальность.

Это связано прежде всего с внутритеоретическим развитием и экспансией самой АСТ: исследователи констатируют, что «за несколько десятилетий своего существования АСТ превратилась из отдельного подхода к исследованию науки и технологий в трансдисциплинарное семейство теорий, объединённых набором базовых свойств, частичных связей и общих отсылок» [10, с. 5].

Одним из факторов, определивших актуальность научного осмысления идей АСТ, является, по всей видимости, назревшая в социологической науке потребность в новом нетривиальном взгляде, в котором было бы отражено неоднозначное состояние сегодняшней социологии, оцениваемое не только теоретиками АСТ, но и многими другими мыслителями как методологический кризис, но принимаемое большинством исследователей как современная норма [14]. Это неоднозначное состояние находит выражение, по мнению Б. Латура, в сохранении ряда неопределённостей в социологическом знании, факт наличия которых, при всей очевидности, игнорируется и не рассматривается как реальная проблема современной социологии [5]. Эти неопределённости, на которые указывает Латур, касаются прежде всего понимания природы агентности, статуса объектов в социологическом познании, а также сохраняющихся в современных социологических теориях серьёзных противоречий, таких, например, как противоречие структуры и действия.

Помимо этого, есть и другие проявления методологического неблагополучия, среди которых далеко не последнее место занимает плюралистичность социологической науки, её расщеплённость на множество школ и направлений, во многих вопросах существенно противоречащих друг другу, однако воспринимаемая опять-таки как современная норма: «Главная проблема заключается в том, что в современной социологии не удаётся обосновать и создать единого основания научного знания. Отсутствуют даже попытки создать такой фундамент, обречённо предлагается по факту признать теоретический и методологический плюрализм социологии» [9, с. 406].

Наличие таких особенностей современной социологии, которые уже давно стали привычными и сами по себе определяют вектор развития науки, объективно способствует формированию запроса на переосмысление ситуации, в которой оказалось социологическое знание [14; 15; 16]. И этот запрос остаётся открытым и сейчас, что придаёт АСТ актуальное звучание и поддерживает к ней интерес учёного сообщества, несмотря на пересмотр некоторых её положений самим Латуром. Что же касается российской социологии, она продолжает осваивать теоретико-методологические новации АСТ и ощущает их актуальность. Это проявляется как в продолжающихся переводах и публикации важнейших работ теоретиков АСТ [5; 3; 4; 6; 7], так и в собственных рефлексиях российских исследователей.

Обзор научной литературы по теме исследования

Значительный вклад в освоение идей АСТ в России, в частности в исследование её ключевых новаций, включения в социологию представлений о пространственности, «поворота к вещам» в социологии, в понимание научных и философских корней акторно-сетевой теории, внесли работы В. С. Вахштайна. Так, Вахштайн показал органическую укоренённость поставленных АСТ проблем в западноевропейской философской мысли и исконно присущей ей проблематике [2]. В. М. Розин исследует методологический потенциал акторно-сетевой теории, рассматривая основную работу Б. Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» [5] как прежде всего методологическую – и по отношению к социологии, и по отношению к методологии мышления, анализируя роль базовых понятий АСТ для построения ею новой онтологии [12; 14]; помимо этого, он анализирует специфику изучения социального действия в условиях возросших в современном мире уровней неопределённости и сложности [13]. Значение и научный потенциал «поворота к вещам» и расширения понимания агентности как теоретической базы новой открытой онтологии анализируются в работах А. Двиартама и К. Розен [23], К. Бюгер и Я. Штокбрюггер [19], Р. Ниммо [31].

К. Б. Дженсен исследует взаимосвязь между акторно-сетевой теорией и концепцией ризомы в онтологии Ж. Делёза [24]; К. Лесаун [28] рассматривает теоретическую эволюцию АСТ от радикальной критики большинства существующих социологических школ до социальной теории, основывающейся на новом онтологическом подходе; Роберто Доминго Толедо [32] ставит вопрос о возможности использования методологии, разработанной Латуром, в критическом исследовании современных социальных институтов. Д. Мифсад показывает, что АСТ представляет собой прежде всего теорию, исследующую механизмы реализации власти и гегемонии [29]. А. Писарев, С. Астахов, С. Гавриленко анализируют динамику развития акторно- сетевого подхода и возможности его эмпирического приложения к задачам социологических исследований [10]. В целом необходимо отметить специальный номер журнала «Логос», посвящённый акторно-сетевой теории и творчеству Б. Латура [8]. Продуктивный сравнительный анализ онтологических представлений акторно-сетевой теории и традиционного для социологии системного подхода осуществляет Ч. Ква [26]. Дж. Мёрдок исследует пространственные аспекты онтологии акторно- сетевого подхода, выделяя типы социальных пространств в соответствии с характером сетевых взаимодействий [30]. Л. Ю. Бронзино даёт общий анализ идей АСТ в контексте критического обзора текстов Б. Латура [1]. Г. Байокки, Д. Грейзборд и М. Родригес-Муниц дают общий анализ и высокую оценку вклада АСТ в развитие современной социологии [18]. Общий критический анализ акторно-сетевой теории в части понятия «актант» и особенностей АСТ как второго

эмпиризма дают Т. М. Краруп и А. Блок [25]. Т. Блейк рассматривает теоретическую эволюцию идей Б. Латура как вектор развития новой плюралистической онтологии [18].

Обзор исследовательской литературы, посвящённой методологическим характеристикам акторно-сетевой теории, свидетельствует о том, что АСТ остаётся объектом интенсивной теоретической рефлексии, не теряющей актуальности в силу нерешённости поставленных этой теорией в новом современном ракурсе важнейших проблем современной теоретической социологии. Но большинство современных исследований концентрируются на отдельных наиболее революционных элементах акторно-сетевой методологии, в то время как сохраняется дефицит работ, посвящённых концептуальной логике методологических новаций АСТ в целом. Цель настоящей статьи – выявить единство и взаимосвязь ключевых инновационных позиций АСТ в социологической методологии и обосновать потенциал методологических новаций данной теории для повышения научного уровня социологии.

Основные постулаты АСТ в применении к современности

Специфика подхода к определению социального

Смысловой нерв акторно-сетевой теории и её главное принципиальное разногласие с социологическим мейнстримом образует интерпретация понятия «социальное», референтом которого является сам предмет изучения социологии. Сама идея социологии как знания об обществе, строящегося по модели экспериментальных (естественных) наук, настоятельно требует выделения для неё предметной области, не пересекающейся с областями других научных дисциплин. В классический (начиная с Дюркгейма) период исторического развития социологии сложилось представление о «социальном» как специфической сфере исследования, в которую входят закладываемые обществом ценности и смыслы, лежащие в основание социальных практик, позволяющие интерпретировать окружающую реальность, а также объективированные составляющие социальной реальности – структуры, группы, классы и страты, институты. Современный социологический мейнстрим обозначается теоретиками АСТ термином «социология социального», отражающим тот факт, что её предметной сферой является так понимаемое «социальное».

Главным образом под «социологией социального» имеется в виду социологический конструктивизм, базовым методологическим принципом которого является идея конструирования социальной реальности посредством формирования в коллективном сознании смыслов и социальных представлений, но в более широком понимании понятие «социология социального» в АСТ относится почти ко всем сегодняшним социологическим школам и направлениям. Исключение составляют этнометодология и несколько других концепций. Основным критерием отнесения к «социологии социального», согласно АСТ, является понима-

ние социального как специфической сферы реальности наряду с другими сферами – экономикой, правом и т. д. или как контекста, в котором осуществляются все виды взаимодействий. Из такого понимания предмета социологии следует, что существуют специфические социальные факторы, которые можно интерпретировать как причины явлений и процессов, имеющих место за пределами сферы социального.

Этим определяется и позиция социолога, в задачи которого входит профессиональная теоретическая рефлексия, дающая объективное знание социальной реальности, в отличие от индивидуальных акторов, вовлечённых в социальные практики, но не поднимающихся до рефлексии. Такая позиция, определяющаяся монополией на социальную рефлексия, обеспечивает потребность общества в социологах, способных осуществлять научную экспертизу его состояния, посредством которой возможно изучать социальные факторы, влияющие на поведение акторов.

Таким образом, мейнстрим современной социологии использует методологическую модель, нацеливающую на изучение специфических каузальных факторов, или, в терминологии Б. Латура, «социальных сил». Эти силы рассматриваются как финальные причины самых разных явлений. Постулируя и по-своему аргументируя наличие и влияние таких сил, социология фактически именно их и делает своим предметом, тем самым возвращая в науку, созданную как эмпирическое знание, элемент метафизических объяснительных схем (т. е. ровно то, что подвергал критике основоположник социологии Огюст Конт). И поскольку разработка подобных схем требует сложной профессиональной подготовки, индивидуальные акторы, не обладающие ею, нуждаются в социологах, владеющих нужными навыками, для анализа процессов социальной жизни.

Все эти принципиальные методологические моменты, присущие «социологии социального», по мысли теоретиков АСТ, в своей основе имеют давние мыслительные стереотипы, которые в настоящее время превратились в препятствие для развития науки. Это и схематичные представления о каузальности, и традиционное понятие общества, которым продолжает активно оперировать социология, и дихотомичность мышления, рождающая неразрешимые в рамках этого типа теорий противоречия.

В. Вахштайн показал, в частности, что истоки традиционного для современной социологии понимания термина «социальное» восходят, в конечном счёте, к декартовскому дуализму мыслительной и протяжённой субстанций – психической или духовной (*res cogitans*) и материальной, имеющей протяжённость в пространстве (*res extensa*) [2]. Из дуалистической парадигмы картезианства вытекает потребность классифицировать научные дисциплины по предмету на изучающие «духовное, психическое» и те, которые исследуют «материальное, пространственное». В этой модели классификации наук, сложившейся задолго до конституирования социологии как самостоятельной научной дисциплины, естественно, места ей не остаётся и её невозможно туда адек-

ватно вписать, так как «либо её предмет относится к физическому миру и находится среди “протяжённых вещей”, либо он локализован в мире *res cogitans* и мало чем отличается от предмета психологии» [2, с. 97]. Таким образом, социология обречена заниматься поиском своей предметной области, не редуцируемой к материальному или психическому.

Радикальное изменение, внесённое АСТ в понимание специфики социологии, состоит в лишении её собственной предметной сферы и в наполнении новым смыслом самого понятия «социальное». Социология, по определению Б. Латура, должна заниматься отслеживанием определённого типа связей (ассоциаций), возникающих и исчезающих мимолётно, но оставляющих «следы», по которым их можно опознавать и реконструировать: «Можно сохранить приверженность изначальным интуициям социальных наук, определив социологию не как “науку о социальном”, а как прослеживание связей. В таком понимании прилагательное «социальное» обозначает не вещь среди других вещей, а тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными» [5]. В понимании АСТ такие связи и оставленные ими следы и образуют «социальное», причём эти связи возникают повсюду, где есть взаимодействия, и социология, лишаясь строго очерченной предметной сферы, которую имеют другие науки, остаётся на выигрышной позиции, поскольку её «предмет» есть везде. Характеризуя парадигмальный переворот, произведённый им в социологии, Латур подчёркивает, что необходимо «выработать новое представление о социальном. Оно должно быть гораздо шире, чем то, что обычно именуют этим словом, но строго ограниченным прослеживанием новых связей и построением их сборок. Вот почему я намереваюсь определить социальное не как отдельную область или особый тип вещей, а лишь как очень своеобразный процесс переустановления связей и пересборки» [5, с. 16].

Столь радикально меняя предметную область социологии, АСТ апеллирует к классикам наиболее раннего периода её истории, прежде всего к Г. Тарду, противопоставляя его той линии развития науки, которая начинается с Э. Дюркгейма, и той, родоначальниками которой были социологи-неокантианцы. Если линия, связанная с Дюркгеймом, ориентирует исследователей на требование воспринимать социальные феномены как объективный факт и с этой позиции их изучать, тем самым фиксируя внимание на том, что можно в социальной реальности интерпретировать как чистую объективность, – на структурах, институтах и их функциях, то линия неокантианцев и их преемников, стремясь возратить в социологию субъекта, его мышление и волю, в то же время привела к тому, что предметная область социологической науки, согласно Латуру, превратилась в замкнутую сферу «смыслов», посредством искусственно сконструированной дихотомии отделённую от материального, «вещного» мира. В представлении АСТ внутренняя идейная преемственность социологии как науки оказалась разорванной, в силу чего современная социология не только отказалась от реше-

ния изначально возлагавшихся на неё задач, но и оказалась не в состоянии их решать, поскольку превратилась в нечто вроде имитирующего эффективную работу бесполезного механизма.

Теоретики АСТ утверждают, что возвращение социологии к возложенным на неё основателями науки задачам возможно лишь в том случае, если она не только переопределит предметную сферу, но и изменит базовые методологические установки, сменит теоретическую оптику, соответственно отрефлексирует и изменив собственные представления о самой себе, своём значении и роли, став подлинно эмпирической наукой вне любых рамочных концепций. А это требует от социологии также изменения самопозиционирования по отношению к изучаемым ею акторам. Таким образом, изменение трактовки понятия «социальное» является первым шагом совершённого АСТ методологического переворота в социологии, но в то же время – его необходимой теоретической предпосылкой.

Такой переворот, как справедливо полагают исследователи, означает не только смену методологической установки социологической науки, но и – глубже – изменение методологии мышления вообще [14].

«Поворот к вещам» и смена теоретической оптики

Изменившийся взгляд на социальное уводит социологию в совершенно иную по отношению к её наличному состоянию сторону. Во-первых, в социологию вносится такой уровень процессуальности и релятивизма, которого она раньше не знала. Признавая значимость динамики социальных изменений, она никогда не отказывалась от социальной статики, структур, страт и других макросоциальных конструкций. Несмотря на то, что в современной теоретической социологии неоднократно и разносторонне отрефлексирована текучесть и изменчивость социального, в ней акцентируется главным образом двойственность структуры и процесса. В акторно-сетевой теории главенствуют абсолютный релятивизм и процессуальность. При этом помимо того, что социологу доступны даже не сами связи, а оставленные ими следы, акторно-сетевая теория расширяет диапазон интересующих её связей, включая в него не только традиционные для социологии гомогенные связи между людьми, но и гетерогенные, ситуационно объединяющие людей с объектами, лишёнными традиционно понимаемой сознательной индивидуальности и интенциональности. Объекты приобретают агентность, и тем самым разрушается методологический стереотип современного социологического мейнстрима – дихотомическое представление о непересекающихся предметных областях естественных и социальных наук [11].

Этим, по мысли теоретиков АСТ, социология возвращает себе статус сугубо эмпирической науки, возможности которой ограничены только движением по следам событий, но зато речь идёт обо всех без исключения событиях: утратив суверенную предметную сферу, социология приобретает право проникать повсюду, где есть цепочки гетерогенных взаимодействий, а они есть везде.

Таким образом, деструкция дисциплинарного суверенитета социологии тесно связана со вторым важнейшим методологическим отличием АСТ – «поворотом к вещам». Для современного социологического мейнстрима, как уже говорилось, предметом социологии является область особых смыслов, продуцируемых разумом и конституирующих социальные действия и отношения, репрезентированная как отдельная от «материального» интеллектуальная территория. Выросшая на этом основании социологическая традиция оставляет агентность исключительно за людьми.

Альтернативное понимание социального, развиваемое акторно-сетевой теорией, дало ей возможность вывести социальное познание из сферы смыслов и «вернуться к вещам». Это привело к очень непривычному для современной ментальности, взращённой на сложившейся традиции дихотомического, стереотипизированного мышления, включению объектов в мир социальных связей и отношений в качестве обладателей полноценной агентности. Как подчёркивают исследователи, понимание агентности в АСТ отличается от её трактовки в других социологических парадигмах и подразумевает некоторый сдвиг социологической оптики с традиционного представления о системе в сторону идеи сети [23]. Вектор требуемого сдвига при этом обозначает отход от представлений о социальной (и природной) системе как саморегулирующейся целостности к представлению их в виде сетей гетерогенных ассоциаций. Так, под социальной системой предлагается понимать простую целостность, обладающую способностью к саморегуляции и находящуюся на более высоком уровне организации, чем её элементы, взятые по отдельности, причём саморегуляция любой системы направлена на удержание и сохранение равновесия [26]. Акторно-сетевая оптика, в отличие от системного подхода, постулирующего систему как замкнутую целостность или совокупность элементов, предлагает представление, скорее напоминающее ризому: это сеть, образуемая многочисленными разветвлёнными ассоциациями в ходе свободных и случайных сочетаний элементов. Сеть не замкнута и может неограниченно расширяться в любых направлениях [23].

В концепции сети ассоциаций прослеживается логика постструктурализма, оказавшего значительное влияние на становление АСТ. Эта логика ориентирует на представление о плоском, ризоматичном социальном ландшафте. Каждый элемент сети находится в изменяющихся и скоротечных ассоциациях с другими гетерогенными элементами, и эти ассоциации трансформируют его характеристики. Таким образом, на место социальной системы в традиционной социологической оптике помещается другая целостность, не имеющая фиксированных границ и способная к неограниченному расширению.

Значение концепта ризомы, введённого в философию Ж. Делёзом, для формирования акторно-сетевой теории ещё предстоит осмыслить. Как отмечает К. Б. Дженсен, до сих пор остаётся не вполне выявленной связь между понятием ризомы у Делёза и идеями АСТ. Однако, подчёркивает

он, возможно, было бы уместным называть акторно-сетевую теорию «актантно-ризомной онтологией», несмотря на то, что сами основатели теории редко используют этот термин [24].

Прежде всего, согласно Дженсену, точки пересечения между Делёзом и Латуром обнаруживаются в понимании агентности. Речь идёт о различии и повторении главных онтологических понятий философии Делёза [24]. Для Латура критерием того, что имело место действие, является произошедшее в связи с ним изменение, создание различия. Это существенно отличается от представления о социальной системе, замкнутой, внутренне гармонизирующей и тяготеющей к поддержанию стабильности. У системы ресурс возможного изменения достаточно ограничен.

Уходя от представлений о системах как стабильных, закрытых и внутренне сбалансированных социальных целостностях, АСТ уходит и от сразу двух ставших в силу привычки естественными понятий – Общества и Природы. Эти понятия, определяемые Латуром как масштабные «резервуары», в которые традиционная социология дихотомично «раскладывает» то, что связано с материальным, и то, что можно отнести к «социальному», в парадигме АСТ не имеют объективных референтов, поскольку даже не сконструированы социологами, как пишет Л. Ю. Бронзино [1], а являются давними философско-мировоззренческими конструкциями, перешедшими в социологию социального в силу инерции теоретического мышления и поддерживающими дихотомичность и ригидность современного социального знания.

Разделение «резервуаров» не только закрепляет, согласно АСТ, искусственную эксклюзию акторов-не-людей из сферы внимания социологии, но и способствует неосознанному отождествлению социального и политического. «Общество» мыслится как некое вместилище социального, объективно существующее и имеющее границы, в то время как в понимании акторно-сетевой теории оно – лишь тень политического, конструируемые границы которого совпадают с территориальными границами государства. Деконструкция «резервуаров» направлена и на устранение этого отождествления, в результате чего на месте «общества» остаются коллективные взаимодействия, цепочки ассоциаций.

Предложенное АСТ понимание агентности как распределяемой между людьми и «не-людьми» вызвало жёсткую критику [22, с. 301]. Прежде всего это была негативная реакция на саму идею симметрии двух категорий акторов относительно потенциала агентности. Отвечая на эту критику, М. Каллон ссылается на то, что симметричность агентности в понимании АСТ – не метафизическая априорная установка, а методологический выбор, облегчающий изучение различных модальностей агентности. В качестве методологической установки представление о симметричном распределении агентности между людьми и не-людьми даёт возможность снять дуализм структуры и действия, рассматриваемый акторно-сетевой теорией как одно из главных неразрешённых противоречий современной социологии. Распределение агентности и принимаемые

ею формы определяются подвижной конфигурацией сетей и образующих их ассоциаций, тем самым «субъектные» и «объектные» моменты взаимодействия показываются в тесном динамическом единстве [21].

Но дело не только в осознании теоретиками акторно-сетевой теории методологической необходимости разрушения «резервуаров» и ассоциируемой с ними мыслительной инерции. С точки зрения АСТ большинство современных направлений социологического мейнстрима теоретически закрепляют и легитимизируют социальное неравенство и связанные с ним «неровности» общественного ландшафта, прежде всего – репрессивный характер власти. По определению одного из крупнейших теоретиков акторно- сетевого подхода Дж. Ло, отношения власти и доминирования, как и структурирование социального ландшафта, процессуальны и продуцируются изменчивыми акторно-сетевыми взаимодействиями, а не устойчивыми характеристиками, заданными социальной системой [27]. Теоретическая легитимация «неровностей» (неравенств) осуществляется с этой точки зрения посредством концептуализации их в собирательной парадигме «социологии социального» – как неизбежных проявлений «сущности социального», объективных характеристик социальных систем, продуктов действия различных «социальных сил», превышающих силы и понимание индивидов, а также естественного различия индивидуальных «социальных способностей» [5]. В интерпретации Латура многообразием таких объяснений и определяется плюралистичность современной социологии, однако все столь разные концепции объединяет одно: они базируются на произвольном отрыве сферы социального от мира вещей и отчуждении «социологами социального» реальных ресурсов действия, кроющихся в вещах, в пользу искусственно создаваемых имажинативных «социальных сил».

Включение объектов в число акторов даёт акторно-сетевой теории возможность не только реинтегрировать вещи в мир человеческих действий и взаимодействий, но и самим вещам вернуть отчуждённый у них «социологией социального» потенциал влияния на результат действий. Объединяя эту категорию акторов под термином «не-люди» («non-humans»), акторно-сетевая теория, с одной стороны, акцентирует их особость в сравнении с традиционно принятыми участниками взаимодействий, с другой же – подчёркивает принципиальную равнозначность обеих категорий акторов.

Исследователи отмечают, что в АСТ потенциально обладает агентностью всё что угодно и способность участвовать в действии ничем не различается у людей, животных, технических приспособлений и любых других акторов-не-людей. Не существует никаких имманентных характеристик, конституирующих действие, ни рефлексивность, ни интенциональность, ни какие-либо ещё характеристики не имеют отношения к агентности. В таком понимании агентностью обладает всё, что способно оказывать влияние и вносить какие-либо изменения в мир [19]. Согласно Латуре, как мы говорили выше, действие есть там, где происходят изменения. Если нет изменений, то нет и действия [5].

Развивая такое понимание агентности, АСТ устраняет традиционную дихотомию «мира смыслов (идей)» и «мира вещей», некогда переключавшуюся в социологию из философии, и их воссоединение, по замыслу авторов теории, возвращает реалистичность, а следовательно, и продуктивность социологическому знанию.

Таким образом, переход в новую социологическую оптику совершенно меняет качество обзора социального пространства. Б. Латур пишет: «Для социологов связей новым является не множество объектов, мобилизуемых в ходе всякого действия по мере его проявления, – никто никогда и не отрицал, что их тысячи; ново здесь то, что объекты вдруг предстали на свет не только как полноценные акторы, но и как то, что объясняет тот контрастный ландшафт, с которого мы начинали, – ландшафт нависающих над всем социальных сил, чудовищных асимметрий, репрессивного проявления власти. Социологи ассоциаций хотят начать с удивления, а не как большинство их коллег, с мнения, что этот вопрос очевидным образом закрыт и объекты не делают ничего, – по крайней мере, ничего сопоставимого или даже просто соединимого с человеческим социальным действием, – и что если они и могут иногда “выражать” властные отношения, “символизировать” социальные иерархии, “усиливать” социальное неравенство, “переносить” социальную власть, “объективировать” неравенство и “овеществлять” гендерные отношения, они не могут находиться у истока социальной активности» [5, с. 28].

При этом в понимании АСТ человек и актор из категории *non-humans* настолько сливаются в осуществлении действия, что могут рассматриваться как своего рода гибриды: как отмечает В. Вахштайн, Латур констатирует, что современный мир пришёл к состоянию общей гибридности, и такие социотехнические гибриды, как «человек-автомобиль», «человек-телефон», «человек-оружие», «человек-компьютер», стали доминирующей формой жизни. Гомогенизация становится всё более доминирующей тенденцией реальности, что находит проявление в развитии возможностей генной инженерии и протезирования [2].

В то же время АСТ рассматривает как полноценных участников сетевых взаимодействий и ту категорию *non-humans*, которую составляют живые существа – животные, микроорганизмы, даже моллюски [20].

В целом, согласно Латуре, в современном мире всё в большей степени происходит размывание грани, разделяющей наделённого осознанным целеполаганием и рефлексией субъекта-сознание и предметы, технические приспособления, которые, встраиваясь всё больше в повседневные практики, становятся продолжением деятельности сознания, интегрируясь в субъект действия.

Это базовое методологическое положение акторно-сетевой теории имеет социально-практические импликации. Смена исследовательской оптики, связанная с включением *non-humans* в цепочки ассоциаций, образуемых социальными взаимодействиями, даёт возможность намного более широкой пространственной перспективы видения, включающей в себя и чёткое видение неоправданности и искусственности всех видов социаль-

ного неравенства. Одной из задач, которые, по мнению теоретиков АСТ, должна выполнять социология в соответствии с замыслом её создателей, является задача «сглаживания социального ландшафта», смягчение социального неравенства, в том числе и деления на «центры» и «периферию» глобального общества. Так, например, «паноптикум» сменяется «олигоптикумами», в которых не один центр наблюдения, а множество [5].

Концепция актанта

Важная методологическая новация в социологии, внесённая АСТ, состоит во введении понятия «актант», заимствованного из литературоведения, теории нарративов. Исследователи отмечают значительное концептуальное и терминологическое влияние на АСТ семиотики и теории литературы, как и идей постструктурализма [19].

Объясняя причины такого заимствования («АСТ пользуется техническим термином “актант”, почерпнутым из литературоведения» [5]), Латур ссылается на значительно большую свободу семиотических и литературоведческих исследований, работающих с художественным вымыслом. Этот момент связан с использованием другого понятия из теории нарративов – фигурации, а в целом оба понятия используются для решения задачи определения источника действия. Теоретики АСТ полагают, что мейнстрим современной социологии не раскрывает подлинную природу агентности и способствует «захватыванию» действия у его подлинного субъекта. Приписывая статус источника действия различным воображаемым, т. е. бездоказательно постулируемым «социальным силам (факторам)», социология прячет за этими искусственно конструируемыми субъектами его реальный источник. Социальные силы такого рода – объекты и образы фигурации, т. е. фигуры, которые кладутся в основу различных «социальных объяснений». При этом объяснения выглядят различающимися, но эта разница остаётся чисто фигуративной. Иными словами, речь может идти об одном и том же процессе и источнике действия, однако концептуализирующие их объяснения выглядят совершенно разными.

Деконструируя фигуративные представления о действии социальных факторов (сил), теоретики АСТ обращаются к понятию «актант». Это техническое, по объяснению Латура, понятие, тем не менее, играет важнейшую роль в социологии ассоциаций. Термин «актант» имеет своим референтом условно совокупный подлинный субъект действия, представляющийся в облике разных фигураций, и значение его в том, что он позволяет выйти из-под обаяния несуществующих, согласно АСТ, фигуративных сил, рассматриваемых как носителей агентности.

Термин «актант», в отличие от более традиционного для социологии термина «актор», относимого к индивиду, группе или институту как условно изолированным, самостоятельным субъектам действия, обозначает носителя агентности, участвующего в действии и конституированного, в соответствии с определением Джона Ло, сетью гетерогенных

компонентов, находящихся во взаимодействии [27]. При этом, подчёркивают исследователи, актант действует не сам по себе. Агентность в понимании АСТ реализует себя посредством сетевого действия и ассоциаций. Конфигурирование актанта происходит в специфических сетевых взаимодействиях, причём таких, которые порождают результат. Сеть формирует конфигурацию актанта и делает его конкретным актором [19].

Именно конфигурирование актанта сетью превращает его в носителя распределённого действия. В формулировке Латура всё, что вносит изменение в наличное положение дел, создавая различие, есть актор, а если он ещё не получил фигурации – актант [5].

В таком применении термина «актант» нивелируется различие между человеческими акторами и «не-людьми». Актанты, объединённые на период взаимодействия, являются в ходе существования ассоциаций носителями разных ролей и сопряжённых с ними значений, имеющих место только в конкретных сетевых взаимодействиях [19; 23].

Ризоматичность сетей ассоциаций находит проявление в том, что актанты и сами сети обладают сопоставимой агентностью и активностью, при этом изменчивы, динамичны и ускользают от исследовательской фиксации [23]. При этом, как подчёркивают исследователи, Латур постоянно акцентирует «технический» характер термина, невозможность и некорректность прямого отождествления актанта с индивидуальным актором, семиотический характер задания и трактовки этого понятия, которое используется не только в рамках семиотического подхода к социальным процессам, но и как методологическое и даже онтологическое [10].

Текущие взаимодействия, в которые включены актанты, подвержены их преобразующему воздействию, которое, однако, имеет текущий и изменчивый характер. Сети актантов формируют определённую подвижную специфику социального ландшафта, традиционными социологическими аналогами которой являются социальный порядок или структура [23]. Согласно Дж. Мёрдоку, степень ригидности\изменчивости социального пространства зависит от наличного соотношения уровней контроля и автономии в способах организации актантами сетей. Мёрдок выделяет в этой связи два типа социальных пространств: «пространство предписания» («spaces of prescription») и «пространство переговоров» («spaces of negotiation») [30].

Такая концептуализация социального действия и его акторов выводит представителей АСТ на уровень обладающей принципиальной новизной онтологической концепции. Их притязания обусловлены ощущением не только инновационности предлагаемой ими оптики, но и незамкнутости, незавершённости современной онтологии.

Стремясь максимально соответствовать изначальному проекту социологии, теоретики АСТ репрезентируют её как концепцию, имеющую потенциал для теоретической ревизии современной социологии и в то же время для её освобождения от примата рамочных теорий над эмпирическими исследованиями. Определяя в этом отношении свою концепцию как «второй эмпиризм», теоретики АСТ имеют в виду именно

отказ от теоретической надстройки, подход к социальной реальности не как к некоей специфической сфере или контексту, а как к дискретной совокупности единичных взаимодействий [11].

Однако при всём том акторно-сетевая теория не отрицает глубинной и продуктивной связи между социологией, с одной стороны, и метафизикой и даже онтологией – с другой.

Как подчёркивают исследователи, эмпирические общие установки АСТ и критика методологической метафизичности, сохраняющейся в теориях социологического мейнстрима, не означают отказа от метафизики как типа содержательной интерпретации событий и явлений. Напротив, акторно-сетевая теория уделяет особое внимание метафизикам (именно во множественном числе) как способам объяснения событий, выстраиваемым самими акторами. Призыв следовать за акторами, не предлагать им своё объяснение, а фиксировать их собственные, занимает важное место в АСТ, поскольку такой подход рассматривается как соответствие требованию эмпиричности. В парадигме АСТ социолог не предлагает своих собственных объяснений и не корректирует «метафизики» респондентов. Возможных метафизик как объяснительных моделей множество, и опасность для исследователя составляют в видении АСТ не они, а, напротив, пренебрежение ими и придание какой-то одной версии метафизического объяснения универсального, доминирующего характера. Множественные метафизики, предлагаемые респондентами социологических исследований для объяснения собственных действий, представляют собой картины мира, сложившиеся в их мышлении.

Но типологические особенности мышления социолога, примыкающего к мейнстриму, согласно АСТ, находят проявление в стремлении дать доминирующее над представлениями респондентов каузальное объяснение, привлекающее те или иные социальные факторы, и вытеснить объяснения респондентов как не отвечающие критериям научности.

Такая тенденция проистекает из обусловленной стереотипным мышлением уверенности социологии социального в завершённости и окончательности онтологических представлений современности. Притязание на доминирующее объяснение действительности представляет собой, по сути, попытку рассматривать современное социальное знание как завершённое и универсальное [11].

Акторно-сетевая теория делает акцент, напротив, на незавершённости, неполноте онтологии, лежащей в основании современного знания. Представление о незавершённости, укоренённое в релятивизме АСТ, является доминантой её концептуального пафоса.

К выводам

Несмотря на то что авторы, стоявшие у истоков акторно-сетевой теории, в настоящее время заняты пересмотром своих позиций, предложенный ею методологический поворот оказал значительное влияние на

социологическую мысль. Новизна нашего исследования состоит в выявлении единства наиболее важных инновационных теоретических позиций, характеризующих АСТ как целостную концепцию, направленную на разрешение методологического кризиса в современной теоретической социологии.

Влияние методологических инноваций АСТ связано с осознанием и демонстрацией ограниченности и дихотомической схематичности концептов и теоретических представлений, которыми оперирует современная социологическая традиция; с попыткой заново поставить проблемы, восходящие к раннему периоду становления социологической науки, от которых она в настоящее время стремится дистанцироваться. Разработанный акторно-сетевой теорией понятийный аппарат имеет большой методологический потенциал, поскольку обеспечивает смену теоретической оптики в социологии, новый нетривиальный взгляд на природу агентности и новое понимание социальной реальности.

Большое значение имеет также потенциал АСТ в отношении релятивизации теоретического мышления в области социальных наук, обновления его методологии. Акторно-сетевая теория предложила отказ от стереотипов мышления, искусственных абстракций, новую модель исследовательской деятельности социолога и даже новый исследовательский этос в социологии.

Кроме того, акторно-сетевая теория преодолевает разрыв социологической теории и социальной и политической практики, что даёт возможность построения нового отношения социологии к реальности, возвращения её к решению не только научных, но и социально-практических задач.

Наконец, большой заслугой АСТ в области методологии мышления является размыкание интеллектуального универсума в открытость и незавершённость онтологии, превращение науки в «строительную площадку», внесение дискуссионного, полемического духа в познание окружающего мира.

Перспективы развития рассматриваемой в настоящей статье тематики, касающейся методологической инновационности АСТ, связаны с выявленными в ходе проведённого анализа особенностями предлагаемой ею новой парадигмы социологии и теоретической оптики, а также с необходимостью разработки конкретных путей использования методологии АСТ в эмпирических социологических исследованиях.

Библиографический список

1. Бронзино Л. Ю. Ещё раз об акторно-сетевой теории, или трудности перевода / Рец. на кн.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2014. 382 с. // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 170–175. DOI: 10.19181/socjour.2014.20.4.246

2. Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
3. Латур Б. Надежды конструктивизма / Пер. с англ. О. Столяровой // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.
4. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с франц. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб: ЕУ в СПб., 2006. 240 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2014. 382 с.
6. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.
7. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой; науч. ред. С. Гавриленко. М.: Институт Гайдара, 2015. 352 с.
8. Логос. Философско-литературный журнал. 2017. № 1. URL: <https://logosjournal.ru/archive/2017/386973/> (дата обращения: 19.12.2021).
9. Никифоров Я. А. Кризис социологической теории: есть ли выход? // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 4. С. 406–408. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-406-408
10. Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершённая сборка // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. № 1 (116). С. 1–40. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-1-34
11. Полонская И. Н. Альтернативная социология Б. Латура: к характеристике методологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 72–75.
12. Розин В. М. Методологические условия построения онтологии человека // Философские науки. 2015. № 3. С. 130–133.
13. Розин В. М. Социальное действие и знание в условиях сложности и частичной неопределённости // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 46–54. DOI: 10.31857/S004287440007161-2
14. Розин В. М. Основные идеи построения методологической концепции социальности // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 1. С. 96–109. DOI: 10.5840/eps20205719
15. Романовский Н. В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3–12.
16. Смирнов П. И. Возможно ли возрождение и обновление позитивизма в теоретической социологии? // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 14–23.

17. Baiocchi G., Graizbord D. and Rodríguez-Muñiz M. Actor-Network Theory and the ethnographic imagination: An exercise in translation // *Qualitative Sociology*. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 323–341. DOI: 10.1007/s11133-013-9261-9
18. Blake T. On the existence of Bruno Latour's modes: from pluralist ontology to ontological pluralism. 2014. URL: [https://www.academia.edu/7453695/ON THE EXISTENCE OF BRUNO LATOURS MODES](https://www.academia.edu/7453695/ON_THE_EXISTENCE_OF_BRUNO_LATOURS_MODES) (дата обращения: 19.12.2021).
19. Bueger Ch. and Stockbruegger J. Actor-Network Theory: Objects and Actants, Networks and Narratives // McCarthy D. R. (ed.) *Technology and World Politics: An Introduction*. Abingdon: Routledge, 2016. P. 42–59.
20. Callon M. The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle // Callon M., Law J. and Rip A. (ed.) *Mapping the Dynamics of Science and Technology*. London: Palgrave Macmillan, 1986. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-07408-2_2 (дата обращения: 24.11.2021).
21. Callon M. Actor Network Theory. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Elsevier Science Ltd., 2001. P. 62–66.
22. Collins H. and Yearley S. Epistemological Chicken // Pickering A. (ed.) *Science as Practice and Culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301–326.
23. Dwiartama A. and Rosin C. Exploring agency beyond humans: the compatibility of Actor-Network Theory (ANT) and resilience thinking // *Ecology and Society*. 2014. Vol. 19. No. 3. P. 28. URL: https://www.researchgate.net/publication/272158075_Exploring_agency_beyond_humans_The_compatibility_of_Actor-Network_Theory_ANT_and_resilience_thinking (дата обращения: 23.12.2021).
24. Jensen C. B. Is actant-rhizome ontology a more appropriate term for ANT? *The Routledge Companion to Actor-Network Theory*, Routledge, 2019. 14 p.
25. Krarup T. and Blok A. Unfolding the Social: Quasi-Actants, Virtual Theory, and the New Empiricism of Bruno Latour // *The Sociological Review*. 2011. Vol. 59. No. 1. P. 42–63. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2010.01991.x
26. Kwa C. Romantic and baroque conceptions of complex wholes in the sciences // Law J., Mol A., Smith B. and Weintraub E. (ed.) *Complexities: Social Studies of Knowledge Practices*. New York: Duke University Press, 2002. P. 23–53. DOI: 10.1515/9780822383550-002
27. Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity // *Systems. Practice*. 1992. Vol. 5. No. 4. P. 379–393. DOI: 10.1007/BF01059830
28. Lezaun J. Actor-Network Theory // Benzecry C., Krause M., Reed I. (ed.) *Social Theory Now*. Chicago: University of Chicago Press, 2017. P. 305–337.

29. Mifsud D. Actor-Network Theory (ANT): An Assemblage of Perceptions, Understandings, and Critiques of this 'Sensibility' and how its Relatively Under-Utilized Conceptual Framework in Education Studies can aid Researchers in the Exploration of Networks and Power Relations // International Journal of Actor-Network Theory and Technological Innovation. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.4018/ijantti.2014010101
30. Murdoch J. The spaces of actor-network theory // Geoforum. 1998. Vol. 29. No. 4. P. 357–374.
31. Nimmo R. Actor-network theory and methodology: Social research in a more-than-human world // Methodological Innovations Online. 2011. Vol. 6. No. 3. P. 108–119. DOI: 10.4256/MIO.2011.010
32. Toledo R. D. Latour as Philosopher: On the Advantages and Disadvantages of Critique for Innovative Science and Sociology. PhD dissertation. Stony Brook University, 2013.

Получено редакцией 3.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет

Полонская Ирина Нисоновна, доктор философских наук, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет

Сусименко Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Иностранные языки» Института фундаментального инженерного образования, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797

EDN: RLJOOB

Actor-Network Theory: Innovative Aspects of Sociological Methodology

Galina S. Denisova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: dgsrostov2013@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3671-9602

Irina N. Polonskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: nisonelle@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6953-4068

Elena V. Susimenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: e.susimenko@npi-tu.ru

ORCID ID: 0000-0001-7627-2051

For citation: Denisova G. S., Polonskaya I. N., Susimenko E. V. Actor-network theory: innovative aspects of sociological methodology. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 137–158. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797; EDN: RLJOOB

Abstract. In recent years, a discussion about the dissatisfaction of scientists with the current state of sociology has intensified in the world sociological community. In this situation, various ways of raising the scientific level of sociology as a whole are proposed. One of them was proposed by B. Latour in the framework of the actor-network theory (ANT), the theoretical concepts of which were further developed in the works of his like-minded colleagues. Representatives of the Russian sociology are actively involved in a versatile study of the contribution made by the ANT to the development of sociology. The article studies the basic provisions of the actor-network theory concerning the subject specifics of sociological knowledge, the fundamental difference between the definition of understanding the subject of ANT sociology and the definitions given by traditional sociological trends and paradigms, as well as the consequences of this innovative understanding for the formation of methodological principles for studying social reality. The authors also dwell on the consideration of the most fundamental and controversial methodological innovation of ANT – the “turn to things” and the introduction of the concept of heterogeneity of agents into the understanding of social processes.

Particular attention in the article is paid to the analysis of the meaning of the term “actant”, innovative for sociology, borrowed by the ANT from the semiotic theory of narrative and incorporated into sociology and ontology of the network of associations of heterogeneous actants. Concerning the disagreements between the actor-network theory and the sociological mainstream of our time, the authors dwell on the criticism by ANT theorists of the sociological “metaphysics of social forces”, understood as a way of theoretical legitimation of social inequality. The purpose of the article is to clarify the unity and interconnection of the key innovative positions of ANT in sociological methodology, and through this, to substantiate the significance and heuristic potential of the innovations proposed by the actor-network theory for raising the scientific level of sociology in the study of social reality. As a result, the authors demonstrate the methodological turn of ANT, that makes possible overcoming the gap between sociological theory and social and political practice, thus opening the way for building a new attitude of sociology to reality, returning it to solving not only scientific, but also social and practical problems.

Keywords: actor-network theory (ANT), social, sociology of associations, network interactions, actor, actant, heterogeneity, non-human actors, figuration

References

1. Bronzino L. Yu. Yeshcho raz ob aktorno-setevoy teorii ili trudnosti perevoda [Once again about the actor-network theory, or Lost in Translation]. Ed. by S. Gavrilenko. A review on the book: Latour B. *Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network Theory*. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Moscow, ID NIU VSHE, 2014. 382 p. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2014: 4: 170–175 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2014.20.4.246
2. Vakhstein V. S. Vozvrashchenie material'nogo. “Prostranstva”, “seti”, “potoki” v aktorno-setevoy teorii [The return of the material. “Spaces”, “networks”, “streams” in the actor-network theory]. *Sotsiologicheskoye obozrenie*, 2005: 4: 1: 94–115 (in Russ.).
3. Latour B. Nadezhdy konstruktivizma [Promises of Constructivism]. Transl. from Eng. by O. Stolyarova. *Sotsiologiya veshchei*. Ed. by V. S. Vakhstein. Moscow, Territoriya budushchego, 2006: 365–389 (in Russ.).
4. Latour B. Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii [We Have Never Been Modern. Essays in Symmetrical Anthropology]. Transl. from French by D. Ya. Kalugin. Ed. by O. V. Kharkhordin. St. Petersburg, EU v SPb., 2006: 240 (in Russ.).
5. Latour B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network Theory]. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Ed. by S. Gavrilenko. Moscow, ID NIU VSHE, 2014: 382 (in Russ.).
6. Law J. Ob'ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoye obozrenie*, 2006: 5: 1: 30–43 (in Russ.).
7. Law J. Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka [After Method: Mess in Social Science Research]. Transl. from Eng. by S. Gavrilenko, A. Pisarev, and P. Khanova. Ed. by S. Gavrilenko. Moscow, Institut Gaidara, 2015: 352 (in Russ.).
8. Logos. *Filosofsko-literaturniy zhurnal*, 2017: 1. Accessed 19.12.2021. URL: <https://logosjournal.ru/archive/2017/386973/> (in Russ.).

9. Nikiforov Y. A. Crisis of Sociological Theory: Is There a Way out? *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2016: 16: 4: 406–408 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-406-408
10. Pisarev A., Astakhov S., Gavrilenko S. Actor-network theory: unfinished assembly. *Filosofsko-literaturniy zhurnal "Logos"*, 2017: 27: 1: 116: 1–40 (in Russ.). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-1-34
11. Polonskaya I. N. Al'ternativnaya sotsiologiya B. Latour(a): k kharakteristike metodologii [Alternative sociology of B. Latour: to the characteristics of the methodology]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012: 6: 72–75 (in Russ.).
12. Rozin V. M. Methodological Conditions of Human Ontology. *Filosofskie nauki*, 2015: 3: 130–133 (in Russ.).
13. Rozin V. M. Social action and knowledge in conditions of complexity and partial uncertainty. *Voprosy filosofii*, 2019: 10: 46–54 (in Russ.). DOI: 10.31857/S004287440007161-2
14. Rozin V. M. The main ideas for constructing a methodological concept of sociality. *Epistemologiya and filosofiya nauki*, 2020: 57: 1: 96–109 (in Russ.). DOI: 10.5840/eps20205719
15. Romanovsky N. V. Crisis discourse (in) modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 4: 3–12 (in Russ.).
16. Smirnov P. I. Is the Revival and Renewal of Positivism Possible in Theoretical Sociology? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 3: 14–23 (in Russ.).
17. Baiocchi G., Graizbord D. and Rodriguez-Muciz M. Actor-Network Theory and the ethnographic imagination: An exercise in translation. *Qualitative Sociology*, 2013: 36: 4: 323–341. DOI: 10.1007/s11133-013-9261-9
18. Blake T. On the existence of Bruno Latour's modes: from pluralist ontology to ontological pluralism. 2014. Accessed 19.12.2021. URL: <https://www.academia.edu/7453695/ON>
19. Bueger Ch. and Stockbruegger J. Actor-Network Theory: Objects and Actants, Networks and Narratives. In McCarthy, D. R. (ed.) *Technology and World Politics: An Introduction*. Abingdon, Routledge, 2016: 42–59.
20. Callon M. The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle. In Callon M., Law J., Rip A. (ed.) *Mapping the Dynamics of Science and Technology*. London, Palgrave Macmillan, 1986. DOI: h10.1007/978-1-349-07408-2_2
21. Callon M. Actor Network Theory. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Elsevier Science Ltd., 2001: 62–66.
22. Collins H. and Yearley S. Epistemological Chicken. In Pickering A. (ed.) *Science as Practice and Culture*. Chicago, University of Chicago Press, 1992: 301–326.
23. Dwiartama A. and Rosin C. Exploring agency beyond humans: the compatibility of Actor-Network Theory (ANT) and resilience thinking. *Ecology and Society*, 2014: 19: 3: 28. Accessed 23.12.2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/272158075_Exploring_agency_beyond_humans_The_compatibility_of_Actor-Network_Theory_ANT_and_resilience_thinking
24. Jensen C. B. Is actant-rhizome ontology a more appropriate term for ANT? *The Routledge Companion to Actor-Network Theory*, Routledge, 2019: 14.
25. Krarup T. and Blok A. Unfolding the Social: Quasi-Actants, Virtual Theory, and the New Empiricism of Bruno Latour. *The Sociological Review*, 2011: 59: 1: 42–63. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2010.01991.x
26. Kwa C. Romantic and baroque conceptions of complex wholes in the sciences. In Law J., Mol A., Smith B. and Weintraub E. (ed.) *Complexities: Social Studies of Knowledge Practices*. New York, Duke University Press, 2002: 23–53. DOI: 10.1515/9780822383550-002
27. Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity. *Systems. Practice*, 1992: 5: 4: 379–393. DOI: 10.1007/BF01059830
28. Lezaun J. Actor-Network Theory. In Benzecry C., Krause M., Reed I. (ed.) *Social Theory Now*. Chicago, University of Chicago Press, 2017: 305–337.
29. Mifsud D. Actor-Network Theory (ANT): An Assemblage of Perceptions, Understandings, and Critiques of this 'Sensibility' and how its Relatively Under-Utilized Conceptual Framework in Education Studies can aid Researchers in the Exploration of Networks and Power Relations. *International Journal of Actor-Network Theory and Technological Innovation*, 2014: 6: 1: 1–16. DOI: 10.4018/ijantti.2014010101

30. Murdoch J. The spaces of actor-network theory. *Geoforum*, 1998: 29: 4: 357–374.
31. Nimmo R. Actor-network theory and methodology: Social research in a more-than-human world. *Methodological Innovations Online*, 2011: 6: 3: 108–119. DOI: 10.4256/MIO.2011.010
32. Toledo R. D. Latour as Philosopher: On the Advantages and Disadvantages of Critique for Innovative Science and Sociology. PhD dissertation. Stony Brook University, 2013.

The article was submitted on: May 3, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina S. Denisova, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Professor of the Institute of History and International Relations,
Southern Federal University

Irina N. Polonskaya, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Institute of History and International Relations,
Southern Federal University

Elena V. Susimenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages of the Institute of Basic Engineering
Education, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)